

Мех динозавра

Негоже шерсти просто так валяться безо всякого дела. Под нею бурлит сила, та сила, которая никого не оставляет на своем пути, только лишь запутывает: вот то единственное, что имеет значение и ради чего она существует. Мне обеспечено беспокойство аж на длительный десяток дней. Все уже было готово к ритуалу, как вдруг мой наставник Хлыытагне заявил, что не хватает здесь только меха динозавра, который мне теперь и предстояло раздобыть за право пройти ритуал собирания воедино личности.

Когда Хлыытагне танцует у костра, извлекая из себя внутриутробные звуки, по мне иногда начинает казаться, что он зацепляет тонкими цепочками своих ногтей старые жизни вышедших из-под его крыла учеников и предсказывает все возможное будущее, переписывая его на новый лад, кое-что меняет и в прошлом. И чудится так мне порой во время его диких плясок, что он даже катает солнце по небосклону, хотя, конечно, такое ему не под силу, я думаю. Ну, разве что, только его наставнику Хаалытчаге из клана звездной устрицы. Он, бывало, забирает тебя своими сучковатыми пальцами из дома спящим, приносит на капище и начинает вместе с тобой на руках скакать через костер, напевая голоса веков своей сухой гортанью, или наоборот, собирая вокруг себя весь вечер и половину ночи в одной точке, размером с постельного клопа. И давит пятками точку вечера, а пятки у него шершавые, все в трещинах и пепле, как бежевая кожица картошки, испеченной на костре во время танцев.

Конец посоха Хаалытчаге, видимо, выдувает пузырь-дерево, ветви и бечевки его рода, а в пузыре этом один из тех даров, которые поёт наставник дымными вечерами в седой тундре, становясь сочащейся на ветру спелой долькой целой его, а может, и не только его, жизни. Как и мы, следуя предначертаниям абстрактного в посланиях Хаалытчаге, складываем в складках своих ритуальных одеяний готовые шары судеб, ведь внутри каждого из этих шаров заключается целый новый мир, в котором суждено будет рождаться любому из них, кто этот шар еще при жизни получил. Да только вот не велено никому шар скрывать, поскольку в нём сокрыта от разрушительных глаз определенно лучшая судьба из имеющихся на своем этапе зарождения жизни общества. А вот раньше времени постигать знания о путях тех рельс, по которым едем, никому не положено, дабы не сместить эпицентр ее появления. Или даже так - вся судьба - это результат нашей сложности, нашей внутренней конструкции, судьба - миф ежесекундно пишущейся

истории каждого из нас, и единственная свобода от судьбы - это гнуть прутья клетки, внутри которой обитаем, но знать куда гнуть мы можем только не зная судьбы, или её выдумка в нас всенепременно направит наши действия и нашу энергию на достижение этой выдумки.

Поэтому, боясь нарушить притяжение равновесия, никто и не открывает шара. Открыть шар означает утратить лучшую из судеб внутри шара, придя к общему повороту, лишиться свободы быть единым со своим соответствием в неопишемом, ну разве это не глупо или нет слова “весна”, в жизни никакого отношения к настоящей весне не имеющего на деле, а?

Когда же мыслями я дошел до отправки на добычу меха динозавра, то решил посоветоваться с кодексом знахарей. Каждый год новообращённый знахарь вместе со своим наставником решают, как будет проходить ритуал посвящения, и выбор охоты на этих наипрепятнейших глазу рептилий была событием крайней редкости и дальней старины, и на подобную работу, как и следовало ожидать, обыденно никто не вызывал. Мой статридцатилетний прапрапрадед, к которому я обратился за советом, в этом плане обладал, пожалуй, просто космической известностью среди тех людей, что добыли когда-то в давнишнюю пору этот редкий и ценный мех, да и мохнатые рептилии, к слову говоря, сейчас что-то стали очень большой редкостью.

Прапрапрадед подумал в соответствии с кодексом минуток этак пятнадцать-двадцать и признался честно, что мех динозавра есть миф, и он принес и не принес мех одновременно. Во время своего дальнего странствия посвящения, он нашел всего лишь маленькую стайку пасущихся динозавров, которые к настоящему моменту времени, скорее всего, уже все поперемежли давно. Он не стал их трогать, но решил, что оставит просто про запас, а затем добыл очень похожей на вид шерсти медведя из близлежащих лесов и отнес все это счастье своему знахарю-учителю, тому самому мастерскому великану мистерий Хаалытчаге для проведения ритуала.

Тот только усмехнулся, потрогал в шкуру медведя, преподнесенную ему под видом меха динозавра. Однако же, когда все было готово для действия, шкура куда-то таинственно исчезла. Сейчас я понимаю что это старый хитрец Хаалытчаге просто выкинул шкури или же, скорее всего, прибрал в свои закрома до лучших времён. Он понял, естественно, что это не мех динозавра, но не подал виду и не хотел никому раскрывать нашего с ним маленького секрета. Ждать тогда пришлось долго, около получаса, пока не появилось одно из тех созданий, что будто бы парили

над весенними лужами дымчатым паром тепла, в жажде новых обретений энергии, концентрированной в виде редкой и вроде бы даже материальной шкуры. Но тот пар так и не попал в очередь на выделку собственный шкуры. “А сейчас как раз будто бы тот самый миг и есть”, - вспоминал прапрапрадед. “Динозавр вроде был натуральным, а не поддельным, как мне его вытались выставить иные чудачки. Без всякой моей обманной невежественной медвежести шкур. И тут рептилия вдруг вывернулась наизнанку, и я увидел, что там внутри кружится руль высокого качества”.

Наставник Хаалытчаге смеялся тогда очень и очень долго, просто крайне долго, и сказал, что каждый человек в этом мире имеет только одного динозавра-покровителя во владении, мех которого используется для приготовления формы этим, на самом деле, милым и безобидным символическим существам с рулями и тросами в торсе. Многое воспринимается так же: ворс и искусственные шкуры хоть и не лишены недостатков, таких, как квёклость, растяжимость, и наличие катышков, все же имеет в достаточной мере сходство с чудесным и крайне дорогим гладким ворсом меха динозавра или какойнибудь другой из оставшихся на земле меховой рептилии. Конечно, там не совсем мех, у динозавров у этих. Чешуйки там атавистические. Но они такие вытянутые и мягкие, что лучше всякого меха будут! А уж как линять-то динозавр начнёт - не остановить его, ходи за ним да подбирай шкуры, из них полотна ткнут не хуже кашемировых по качеству и по цене дороже выходит, если знать, кому продать. Но в добыче истинного меха динозавра на деле нет никакой надобности.

Хаалытчаге сказал, что люди сами по себе мало что знают о природе внеземной и рептилоидах в частности, потому интеллектуально обдурить их не составляет ни малейшего труда. Они просто сопоставляют два различных, лишь внешне сходных предмета, руководствуясь только своими впечатлениями да малыми познаниями о динозаврах. Какова же сумма этой разницы для них? Речь идет о цене жизни как человека, так и динозавра. Покровитель - наш защитник. Взять, например, мех любого другого животного было бы возможно, но добыть его нужно будет взамен меха динозавра, тогда как среди рептилий еще не было замечено на самом деле ни одной жертвы, разве что в глубокой древности. Все так и делают - подменяют мех динозавра мехом куницы, медведя, соболя, да и ещё невесть какой зверушки. Хоть кошки, право! Мы и динозавры связаны сквозь проекции нерушимыми узами, мы и есть наши динозавры-покровители, и все наши знания знахарей пришли к нам через тысячелетия и миллионы лет от этих

красноречивых пушистых рептилий. Так зачем же нам в действительности добывать их мех, вредя линиям самих себя?

“Как-то один раз был со мной такой случай”, - сказал на этот раз наставник Хлыбытагне: “Бродил я еще в молодые годы в ледяной пустыне подле холма оленеводческого поселения Айой с подветренной северной стороны, добирался я в те края, дабы обрести одну из оставшихся своих частей в ходе проведения обряда посвящения. Частью этой моей было мясо динозавра, а может даже имя его, я что-то уж точно не припомню так. Одним из способов использования гигантских рептилий было ритуальное наблюдение за ними как за гармоничной системой грузов, сдержек и противовесов, превращённых в высшую бесформенность свободы. А ты как думал? Если свобода имеет форму - это только лишь одна из её степеней. А в высшей своей точке она в высшей же мере является бесформенной.

Тогда для поимки динозавра на мир еще требовались долгие годы, не то, что в нынешние прогрессивные времена. Вы-то, чай, за пару часов на мир ловите почти без подготовки с современными искусственными средствами. Раньше было так: для начала мы садили ароматное дерево, причем не какое-нибудь дерево неясного происхождения, а самое настоящее сыромятное, гарантированно обеспечивающее поимку динозавра. У него кора кожистая, хоть сапоги кирзовые шей, потому дерево так и зовётся. Хотя запах больше напоминает можжевельник, чабрец и дикую петрушку одновременно. Что, впрочем, не мешает дарить духам невыразимого кору вместо шкуры рептилий, лапошим мы их, ох как лапошим. Традиция такая у нас, и ты не нарушай, давай тут!

Посадить ствол-сыромятник требуется не где-нибудь, а только в одном месте на планете: на вершине горы Чохтахтоль, ведь это место силы потому что, специальное, динозавровое. Тот раз мне крупно повезло: я нашел сыромятник, посаженный кем-то еще до меня, и тотчас же залез во внутрь этого дерева, заткнув площадью своего тела его внутреннюю, пахнущую травами и сырыми опилками, поверхность. Кора сыромятного дерева была теплой, нагретой на солнце, и издавала, помимо слабого горьковатого аромата, ещё еле слышимое жужжание, благородно похожее на дальний гул дикого пчелиного роя, раскатов августовского грома у горизонта или ржавого советского электротрансформатора поблизости.

Но вскоре я понял, что ошибся, когда увидел, что моё мягкое место уже не влазит вовнутрь дерева и торчит наружу, доступное всем ветрам в ожидании действительно своего кусочка динозавра. Дело в том, что я

не вполне представлял, как выглядит сыромятное дерево, и вместо сыромятника мне просто на самом деле попался какой-то можжевельник, с которым оказалась крайне нелегко договориться исполнить чужой святой долг. Либо можжевельник среди всех деревьев обладает самым невыносимым характером. Все может быть, всё.

Спас меня только случай: мимо проходил восьмилетний мальчик по имени Кыырадукехоль по кличке Градуль, глава всем известной в те времена местной организованной вооруженной банды младшеклассников, обучающихся в спецшколе ассасинов. Он зарядил в меня из рогатки солью со словами: “Дерево с жопой! Дерево с жопой! Градуль знает свое дело, в зад пуляет он умело!” И в этот момент как раз свершилось. Точно гром среди ясного неба разверзлась пространство, ритуал почти закончился, а оттого предстал предо мной безвестный и не ограниченный никакими рамками многомерный голографический динозавр, чуток подзамёрзший и похожий оттого на мороженку. Было бы преступным упущением не отметить, что будучи замёрзшими, динозавры смеются, как шоколадки, настолько похожи их совместные с нам вибрации. Это ощущается так, будто бы вся буря их смеха эхом щекотки отдаётся у тебя в районе солнечного сплетения так, что и тебя самого до самых пят начинает пробирать смех динозавра.” Наконец, Хлыытагне закончил говорить, а я так и продолжал сидеть в задумчивости, поражённый до глубины души его рассказом.

Прошло несколько часов, а я всё никак не сходил с места, и тогда Хлыытагне застиг меня за этими размышлениями и, присев рядом, спросил: “Теперь ты понял?” Я было решил ему поведать историю своего воссоединения со способностями рептилии, да только старик меня не слушал. “Твоя рыба не клюет”, - сказал Хлыытагне. “Шерсти динозавров нет, но ты так старался так старался, что даже вообразил, будто нашел ее, но вспомни: ты принёс мне шкуру медведя, и это действительно так, я понял, какому зверю принадлежит шкура в сей же миг, едва лишь увидел её! И каждый раз каждый человек во время посвящения находит вместо шерсти динозавра что-то свое. Смысл моего урока добычи меха динозавров заключён в том, что вся их шерсть с нашего рождения и до смерти построена лишь на играх с пустотой. Как и все остальное.

Твоя внутренняя поверхность волнами смеха переворачивается и превращается в ласкающий и пушистый мех рептилии, поскольку смех динозавра подобен его меху и направлен всегда только вовне на окружающих динозавра существ пламенной стихии из искр костра. Но хоть динозавр и суров, худощав и неказист, сантиметр меха его уже

бесценен, ибо мех его создан из твоей энергии превращения в динозавра через собственную изнанку. А если уж быть и еще точнее, послушник мой вислоухий, то вид надевания себя в обличье динозавра-покровителя есть не что иное, как обитель и практика маскировки среди лесного окружения или внутри вибраций моих, а теперь уже и твоих собственных ощущений.

Ведь так кажется, будто это мы выворачивается наружу, восставая из недр поверх контура динозавра, тогда как на деле наша личная парная сущность вылазит наружу, и вот теперь она освобождает пространство, обволакивая всю поверхность тела симбиотического создания, то есть человека-знахаря, тем и отличным от всех остальных людей. Да, это действительно так. Быть знахарями означает быть одновременно меховым динозавром, именно это свойство нас и определяет, позволяя в итоге вершить и многое другое. А посвящение сводится к тому, чтобы обрести среди динозавров своего двойника. А ты думал, кому-то нужен твой мех? Ты правда думал, что есть дух, который в обмен на дары меха динозавра сделает тебя знахарем? Конечно же, такой дух есть - и это ты сам, открывающий вовнутрь самого себя право, а точнее возможность быть ещё и динозавром!

Разделение-слияние такого характера восходило, в конечном счете, еще ко древним временам, а незаменимая необходимость получения динозавра через выворачивание себя наизнанку и привело к тому, что наставники былых времён придумали для новых еще одно испытание инициации, которая и заключалась в необходимости добычи меха динозавра, делая таким способом ход конём. Их манёвр был достаточно прост и, в то же время, изыщен для исполнения.

Это начинаешь сразу понимать, как только осознаешь, где заканчивается твоё собственное дело и начинается плоть рептилоида. А если точнее, то нигде. И это нигде как раз нужно уловить в качестве основы твоей составляющей - тогда, будь уверен, у тебя точно всё получится осуществить! Принимая разнообразие семерых отражений в формах самого себя, рассыпаясь вовнутрь динозавра человеческими наростами, я бултыхался, точно покрытая илом трёхсотлетняя бутылка где-то на месте кораблекрушения в океанических водах. В нашем обществе знахарей только так может считаться человек современником, если он имеет своего лучшего и, по сути, единственного покровителя-симбионта.

А если не имеет, он и вовсе не член общества людей вовсе. Я размышлял о том, что ведь недаром старик Хлыбытагне всё чаще и чаще в последнее время старался звать к моему боевому духу. А тут я

через изнанку волновых колебаний не просто обрел себе сыромятное дерево, по мнению того же старого Хаалытчаге, наставника моего наставника, но даже и сразился незаметно сам для себя за право быть всегда в форме невидимого динозавра, внешне иллюзорно кажущегося человеком, без любых сдвоенных позиций взаимопомощи.

Он сказал, что перемещаться внутри собственного тела, вывернутого наизнанку мехом динозавра наружу - это достижение абсолютного соединения, все нестыковки и шероховатости аморфных тел теперь устранены, и если Хаалытчаге и Хлыытагне подобны динозаврам, но всё же и отличны от них, то я теперь и есть своя рептилия - целиком и полностью, не в другой форме себя, а в той форме, какой я и являюсь. Думаю что теперь достоин владеть частью наследия меха рептилий. И, быть может, уже мои ученики откроют новую тропу, тропу избавленную от хитрости и обмана быть и не быть динозаврами и людьми одновременно. Они будут настоящими рептилиями - и всё тут. Я научу их быть такими во всех своих проявлениях. Ведь это лучший способ быть настоящими людьми!

*Белоусов Роман,
10 марта 2013 года.*